

СУДЬБА ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ

И.А. Манфред

«Есть созвездия совпадений»

Андрей Вознесенский

В 1981 г. вышла книга Виктора Моисеевича Далина «Историки Франции». В статье о папе – «Мастер исторического портрета», – написанной, как мне кажется, с особой теплотой, приведены несколько строк из его юношеского стихотворения, посвященного «В.М.». Текст этот был нам известен (хотя и не полностью, как выяснилось позже), да и инициалы не составляли загадки – стихотворение было посвящено Вере Владимировне Милютиной.

Это имя я слышала дома с детских лет. Оно было окружено романтическим ореолом и относилось к давним временам папиного отрочества и юности. Еще я знала, что Вера Владимировна стала художником. Но почему-то у меня возникло убеждение, что она погибла в блокадном Ленинграде – может быть потому, что папа больше о ней не говорил. И вот спустя некоторое время после выхода упомянутой книги В.М. Далина, автору позвонил старинный папин приятель Вадим Вячеславович Покшишевский¹ (папа его звал «Покша»). Он сказал Виктору Моисеевичу, что приобрел его книгу, очень лестно отозвался о ней, и, конечно, особо отметил статью о папе. При этом Вадим Вячеславович сообщил, что Вера Владимировна жива и здорова и живет практически по старому адресу, но только в соседнем доме. Он с ней изредка видится, когда бывает в Ленинграде, т.к. они приятельствуют с молодых лет.

Виктор Моисеевич записал адрес В.В. и сразу перезвонил мне. В тот же день я ночным поездом уехала в Ленинград.

Вера Владимировна жила на улице Лебедева (б. Нижегородская), в доме 21. Дверь мне открыла маленькая пожилая женщина в очках с прямыми стриженными волосами соломенного цвета. Она предложила мне войти. Я спросила Веру Владимировну. Она ответила: «Я перед

Ирина Альбертовна Манфред, кандидат исторических наук.

¹ Покшишевский Вадим Вячеславович (1905-1984) – доктор географических наук, специалист в области экономической и социальной географии. – *Прим. ред.*

Вами», и задала встречный вопрос. Я назвалась. Тогда она вскинула на меня глаза и как бы в задумчивости протянула: «Пожилая дама – дочь прелестного юноши... С этим надо освоиться». Пару минут она простояла в полном молчании, пристально глядя мне в лицо. Затем как-то очень дружески взяла за руку и провела на кухню.

Был ранний час, и она пошла предупредить мужа о моем появлении. Вскоре я была приглашена в комнату и представлена Александру Семеновичу – высокому пожилому импозантному мужчине, чей внешний облик напомнил мне де Голля. Трудно было начать беседу, так как «принимающая сторона», в отличие от меня, находилась в полном неведении обстоятельств, приведших меня к ним. Я попыталась кратко изложить их, что было непросто. Прошло ведь много лет, десятилетия, на протяжении которых между папой и В.В. не было общения.

Вера Владимировна очень разволновалась и несколько раз повторила: «Значит, Аля меня помнил, если его друзья знали это стихотворение». После несколько сумбурного обмена информацией, а точнее эмоциями, Вера Владимировна вдруг произнесла фразу: «А я знала, что Вы придете». Теперь была озадачена я. В ответ В.В. попросила Александра Семеновича достать письма Али. А.С. прошел в другой конец их большой комнаты и принес серый сверток, перевязанный бумажной веревкой (приметы быта тех лет), на котором было написано: «Письма Али Манфреда 1917-1927 гг.». Я буквально замерла, пока А.С. развязывал сверток. Там оказалась пачка писем, многие из них в конвертах, надписанных характерным папиным почерком: «Нижегородская, 21а, Милютиной В.В.». Вера Владимировна взяла письма и протянула их мне со словами: «Я сохранила их в страшные блокадные годы. Мне много лет, и я должна их кому-то передать. Вот Вы и явились».

Все происходящее имело какой-то мистический флер, и это ощущение лишь подтвердилось, когда возник боковой сюжет, связанный уже с Александром Семеновичем.

Примерно месяцем ранее, в институте, где я работала, я увидела у моего коллеги книгу о Полине Виардо. Автор мне был не знаком, но, перевернув книгу, я ею очень заинтересовалась. Там были воспроизведены зарисовки Тургенева, сделанные Клоди Виардо, дочерью Полины, и самой Полиной. Дело в том, что отношение к Тургеневу в нашем доме было особенное. Оно шло от папы. Дома иногда вечерами читали вслух «Первую любовь», «Вешние воды», «Асю»... Папа вынес любовь к Тургеневу из своего родительского дома и сохранял ее до конца жизни. Свою последнюю книгу он назвал «Три портрета». С первых же строк, обращенных к читателю, папа не отказывает себе в удовольствии вспомнить любимого писателя, у которого он позаимствовал название

« пленительного рассказа непревзойденного мастера русской художественной прозы »².

И вот утром того же дня, когда я появилась в их доме, Вера Владимировна, рассказав немного о себе, предложила своему мужу рассказать, чем занимается он, на что Александр Семенович ответил: « Я не буду утомлять Ирочку рассказом, лучше покажу ей результат моих занятий ». Он взял с книжной полки книгу и протянул ее мне. Это была та самая книга о Виардо! На серой коленкоровой обложке значилось: « А.С. Розанов. Полина Виардо-Гарсия ». Я на мгновение онемела. Затем рассказала, как впервые столкнулась с этой книгой. А.С. вскинул брови и произнес: « Сегодняшнее утро полно мистики ». На что В.В. как бы возразила: « Са (так она называла А.С.), просто всё встает на свои места, как в твоём образцовом архивном хозяйстве ». Позже в письмах младшей папиной сестре Леонтине Захаровне она писала: « Это мой Саша собирал и сортировал все письма и бумажки по авторам. Мое имущество пережило 1 фугасную бомбу, 1 зажигательную, 1 шрапнель и переезды после каждой катаклизмы плюс мой характер: ничего имеющего отношение к старому не выбрасывать. А у Саши старая бумажка всегда находит автора и складывается в архивный конверт... Так собрались Алины письма и теперь подарены Ире ... Это редкостная, очень ценная вещь. Памятник интеллигенции XX в. » (25.V.83).

Так судьба в лице Виктора Моисеевича Далина, верного и доброго друга папы, одарила нас редкостным богатством – папиными письмами.

Недавно я прочла у Андрея Вознесенского мысль, созвучную изложенным обстоятельствам. Он пишет: « Меня не оставляло ощущение, что в истории все закодировано и предопределено, не только в общих процессах, но и в отдельных особях, судьбах... открывались скрытые от сознания связи... Есть созвездия совпадений »³.

Встреча с Верой Владимировной меня буквально потрясла. И это произошло не только потому, что после ухода папы из жизни, всё, имеющее отношение к нему, обретало особое значение. Внешне ничем не примечательная женщина (« затрапезная старушка », говорила она о себе), В.В. обладала необычайной душевной и духовной притягательностью. Она была интеллигентом в подлинном значении этого слова. Ее отличали высокая простота и настоящность, естественность и непосредственность. Это касалось в равной степени ее творчества и бытования. Вера Владимировна показывала мне свои работы, многие из которых у

² Манфред А.З. Три портрета эпохи Великой Французской революции. М., 1979. С. 19.

³ Вознесенский А. Стихотворения. Поэмы. Проза. Современники об Андрее Вознесенском. М., 2000. С. 373.

меня до сих пор перед глазами. Они остались не только в зрительной памяти, но в эмоциональной – такой эффект достигается «великим искусством простоты»⁴. Эти слова взяты из «Последнего часа Жан-Жака Руссо». Они точно передают творческую суть натуры Веры Владимировны; к этому стремился и папа. Оказалось, что работы Веры Владимировны хранятся в Эрмитаже, Русском музее, Пушкинском Доме, в Павловском дворце-музее, в Москве – в Музее современного искусства на Петровке и в частных собраниях.

В свой первый приезд я пробыла в Ленинграде три дня, и большую часть этого времени провела с Верой Владимировной. Мы гуляли по городу, заходили на выставки – и все время с нами незримо был папа. В.В. вспоминала его по каким-то неведомым мне ассоциациям, а я ей рассказывала о нашей большой семье и о моей малой, о второй семье папы. Мой рассказ она слушала пристрастно, с некоторой долей грусти. А потом призналась, как бы ей хотелось, чтобы я была ее дочкой (у нее не было своих детей). В ответ я ей рассказала, как Борис Слуцкий, с которым папа познакомил меня в Малеевке, выдал блестящий экспромт: «Так вы дочь Манфреда от Жозефины!». Вера Владимировна в полной мере оценила остроумие.

По мере нашего общения (мои приезды в Ленинград, переписка), Вера Владимировна становилась мне все ближе, роднее. Было удивительное взаимоприятие и взаимопонимание. Она радовалась этому, но и не раз задавала мне вопрос: «Ну почему Аля не захотел продолжить нашу дружбу?»

А дружба эта началась летом 1917 г. Все, что я расскажу ниже, во многом, я узнала от В.В., хотя папа любил вспоминать свое детство и часто рассказывал нам о нем. Оно было счастливым, но рано кончилось.

В своей семье папа был младшим и единственным сыном (у него было еще три сестры). Летом 1917 г. они снимали дачу в Метсоле, в окрестности Териок. С детьми приехала француженка мадам де Пумери – это имя я тоже помнила по папиным рассказам. Однажды на урок французского пришла девочка – Вера Милютинна. У них была своя дача по соседству, где она жила вместе с бабушкой. Как вспоминала В.В., «в то лето, что мы ходили на озеро Красовица, я от Али слушала про французскую революцию». Мадам де Пумери «меня познакомила с Алей, а не с барышнями Манфред, и говорила, что он пишет сочинение про французскую революцию на многих пажах (pages). Но французская революция меня тогда не интересовала. Он был образованнее меня. Правда, я была продвинутое его в делах птичьих выводов» (письмо Леонтина Захаровне).

---

⁴ Манфред А.З. Указ. соч. С. 439.

Лето в Метсоле было последним летом безмятежного детства папы. И именно о нем написано стихотворение, посвященное Вере Владимировне.

В.М.

Удивительные мы, право, оба,
Вам тринадцать, мне десять лет,
Когда спорили кто лучший слова
Мастер: проза или поэт.
И каталися с вами вместе
На веселых гигантских шагах,
И судили серьезно о лести,
Что такое физический страх.
И в лесу собирали морошку,
И решали, что Вальтер Скотт
Интересен, хотя на обложку
Не помотришь без скуки зевот.
И тонули, смеясь, в болоте
Среди лилий – цветов водяных.
Когда лес утопал в позолоте
От заката лучей солнечных.
И хотя мы дружили сильно
И плели из цветов венки,
Мы решили не рвать насильно
Внешне чуждое – близкое «Вы».
Заклучали пари о Блоке,
О значеньи воды и льда.
И решили, что Кромвель в Вудстоке
Совершенно похож на себя.
И когда наступила осень
Запестрели деревьев листы
Уходили мы в чашу сосен
И курили, и жгли костры.
Мы разъехались. На прощанье
Попросил Вас почаще писать.
Вы ответили: «Да. До свиданья.
Не забудьте про Блока узнать».
Мы встречались, писали часто,
Постепенно слабела связь.
И нам было уже не ясно
То, что прежде сближало нас.
Мы не виделись больше года.
А когда я стал уезжать,

Помню в снежную злую погоду
Я Вас вспомнил и стал искать.
И в квартире, где прежде жили,
Мне сказали Вас больше нет.
Передайте, чтоб не забыли,
Что ей кланялся А. Манфред.

Оба они помнили Метсолу до конца своих дней. Я это поняла, прочтя письмо Веры Владимировны Леонтины Захаровны из Пушкиногорья (каждый год на протяжении почти сорока лет они с мужем ездили туда в мае). Она писала: «Здесь лес, местами похожий на тот, наш, метсоловский – те же сосны, брусника цветет, мох, запах распаренной на солнце хвои... и звуки те же – кукушка, соловей, коростель в траве на лугу. Я все это очень остро воспринимаю, главным образом из-за Метсолы, которая кончилась для нас в 17 г. Но любовь осталась навсегда к той природе».

Теперь и я услышала отзвук Метсолы в «Последнем часе Жан-Жака Руссо». Папа всегда любил природу. И в последние годы, когда он тяжело болел, то использовал любую возможность уехать из города. «Наедине с поющей листвою вязов и лип, веселыми, разноголосыми песнями птиц, наедине с зелеными соками земли он чувствовал себя лучше, спокойнее, даже увереннее – он был у себя дома»⁵. Это он о Руссо и о себе.

Природа в этом сочинении занимает особое место – она «союзна» героя и автора.

«Вот он сидит и слушает как верещит пересмешник и что-то настойчиво, как бы кого-то убеждая, повторяет одну и ту же короткую фразу дрозд, а вот там, где-то дальше стучит по старой, уже трухлявой коре дятел. Он различал голоса птиц; он их знал все... И он хорошо знал, когда у больших голубых елей, недалеко от мостика через озеро, начнут слетать тоненькие светло-желтые пленки и сразу вылупляться, как птенцы из гнезда, лапки-пучки мягких светло-светло-зеленых иголочек»⁶.

Может показаться невероятным (свидетелей уже нет), но именно эти «лапки-пучки» мне показывала Вера Владимировна в Пушкиногорье в мае 1983 года. Тогда я провела там с Верой Владимировной и Александром Семеновичем 10 незабываемых дней. Меня поразило их живое, радостное восприятие природы, как «в первый день творенья».

В.В. могла буквально застыть над каким-нибудь цветком. Увидев однажды фиалку, она вспомнила эпизод из того далекого лета. Как-то

⁵ Манфред А.З. Указ. соч. С. 426.

⁶ Там же.

гуляя с папой в метсоловском лесу, она сорвала фиалку и подарила ему. В ответ получила экспромт: «У меня в душе фиалка. Вам меня никогда не забыть!». Так и случилось! Однако после этого лета жизнь в семье папы резко изменилась, не говоря о катастрофических изменениях в жизни всей страны.

Тут, видимо, следует сделать хотя бы краткий экскурс в историю папиной семьи.

Его отец, Захар Львович Манфред, был адвокатом. Я хорошо помню его, он всегда жил вместе с нами. Естественно, был «лишенцем». Остро переживал политические процессы в стране, понимая глубину их беззакония и безнравственности. Умер он в 1941 г.

Человек обязательный, организованный, дедушка жил по строгому режиму, который соблюдал с педантичной неукоснительностью. До катастрофы у него была хорошая адвокатская практика: он часто отсутствовал в доме, находясь в разъездах по делам клиентов. Детьми занималась мать, Розалия Самойловна – образованная, литературно одаренная женщина. По семейным преданиям, бабушка занималась литературными переводами с французского, писала детские рассказы. Она была родной сестрой известного художника Льва Самойловича Бакста, который любил своих сестер и всячески опекал их.

Очевидно, папа унаследовал от матери ее незаурядные способности и яркость личности. Папины интересы и вкусы формировались в интеллектуальной атмосфере родительского дома. Отсюда он вынес любовь к Франции, ее культуре, искусству, истории.

В папиных рассказах неизменно присутствовала и семья тети Сони (Софьи Самойловны). Там тоже было четверо детей – три девочки и мальчик. Двоюродные сестры и братья были очень дружны между собой, это был крепкий семейный клан. Весной 1914 г. Лев Самойлович, живший тогда во Франции, пригласил к себе в гости сестер с детьми, но в папиной семье кто-то заболел, и они не смогли поехать. Дети утешились тем, что у них осталась любимая собака Цыган, жившая до того в тетиной семье.

Та семья навсегда осталась во Франции – Первая мировая война, революция в России изменили судьбы государств и их граждан. На долгие годы был разлучен со своим сыном Андреем и сам Лев Самойлович Бакст, женатый на Любви Павловне Третьяковой, у которой от первого брака была еще дочь Марина Николаевна Гриценко. Дети были дружны и сохраняли эту дружбу до конца жизни, хотя с 1923 г. Андрей Львович жил во Франции.

Забегая на десятилетия вперед, хочу напомнить, что наличие родственников за границей в Советской России считалось тяжелым

политическим криминалом. Поэтому на соответствующий вопрос в анкетах папа отвечал: «Нет» (ему хватило пребывания в ГУЛАГе в качестве «японского шпиона»). Бывая часто во Франции, он был лишен возможности общаться со своими очень близкими родными, с которыми прошло его детство; то же самое было, когда кто-то из родных приезжал в СССР. Так, в 1965 г. на гастроли приехал знаменитый французский театр «Ателье». Его руководитель и главный режиссер – Андрэ Барсак – был мужем папиной двоюродной сестры, Милы. Надежда Васильевна⁷, Галя⁸ и я повидались с Милой, побывали на спектаклях. Папа не мог себе это позволить. (Кстати, лучшим спектаклем был признан «Месяц в деревне» по Тургеневу, перевод был сделан Барсаком и Милой.) В том же году в Москве побывал Андрей Львович Бакст. На встречу с ним папа отправил меня. Андрей Львович привез архив отца и отдал его в Третьяковку; туда же передали свою часть семейного архива и Барсаки. И там, кажется, есть материалы, относящиеся к семье папы.

Но вернемся к папиной семье. В 1918 г., когда ему не исполнилось еще и двенадцати лет, умерла его мама. Кончилось счастливое детство в атмосфере нежной материнской любви: со смертью матери дом развалился. В папином архиве сохранились разрозненные листы юношеской повести «Распавшаяся глыба» – о судьбе их семьи. Последующие события вытолкнули ее в трудную скитальческую жизнь – сначала в Новоржев, потом – в Саратов, где папа прожил почти десять лет. Все эти годы он поддерживал связь с Верой Владимировной, в основном на эпистолярном уровне. Вот откуда эта связка «писем Али».

Очень рано, подростком, папа стал работать, зарабатывая себе на жизнь, борясь с голодом. Саратовскому периоду посвящена его во многом автобиографическая «Повесть о белых медведях» (существующая и ныне в машинописном виде). Папа писал ее в 50-е годы, которые были для него нелегкими: болезни, семейные проблемы. Но у папы было всегда одно безотказное средство – работа. Все, чего он достиг в жизни, в науке – есть результат его природной одаренности в сочетании с поразительным умением видеть в работе главное. Примечательно, что Вера Владимировна, помнившая лишь «прелестного юношу», спустя десятилетия, высказала ту же мысль: «Ему было 10 лет, когда кончилась его “культурная жизнь”, но он был уже сформирован и мозгами, и сердцем, и 10 лет после этого он карабкался сам, выбирая и отбрасывая, закаляя волю. Это был необыкновенный экземпляр интеллигента» (письмо Леонтине Захаровне от 27.06.83).

⁷ Жена А.З. Манфреда. – *Прим. ред.*

⁸ Дочь А.З. Манфреда. – *Прим. ред.*

Голод и стихи сопровождали саратовскую юность папы. Он пишет в «Повести о белых медведях»: «Томящее ощущение постоянного голода сопровождало меня и моих друзей почти все комсомольские годы»; «голод мучил нас и терзал». И там же: «Мы все увлекались в то время Гамсуном. Его “Голод” помогал нам укрощать наш и собственные муки». А Вера Владимировна, вспоминая те годы и то, что соединяло ее с папой, отмечала: «В этих соединениях не было ни грамма тогдашнего быта. Это удивительно!» (письмо Леонтине Захаровне). Но объяснимо: папа с юных лет был романтиком и сохранил это качество и в зрелые годы.

Прототипы героев повести – друзья, знакомые папы; многие узнаваемы. Главный герой, Николай Ашихмин наделен чертами характера Александра Геннадиевича Аполлова, друга тех лет и всей жизни. Он был самым близким, можно сказать родным папе человеком. Папа и А.Г. увлекались стихами Гумилева, Блока, Ахматовой, Мандельштама, позднее – Маяковским, Кирсановым, Светловым, Асеевым... Но, как мне помнится, Гумилев пользовался особой любовью. До сих пор вспоминаю папину интонацию, с которой он читал его «Заблудившийся трамвай» – с каждой строкой отбивая такт. А другое стихотворение Гумилева – «Лес» – наводило на меня ужас, когда папа глухим голосом произносил:

В том лесу белесоватые стволы
Выступали неожиданно из тьмы.
Из земли за корнем корень выходил
Словно руки обитателей могил.

Любовь к поэзии оба сохранили на всю жизнь.

Александр Геннадьевич пережил папу на несколько лет. В последнюю нашу встречу он весь вечер читал папины стихи наизусть. Прощаясь, передал мне тетрадь с папиными стихами, переписанными его рукой. Там было и стихотворение, посвященное В.М. В зрелые годы, насколько я знаю, папа стихов не писал, разве что стихотворные экспромты по случаю, но в молодости поэзия его увлекала. В «Повести о белых медведях» автор писал о себе: «В 17 лет я был поэт».

В одном из писем ко мне Вера Владимировна припомнила строчки из папиного послания: «Густое, теплое, как парное молоко, простое человеческое счастье... Сколько лет было Але, когда он написал эти строчки? В день его рождения вспомните обо мне. Как много давал мне этот удивительный мальчик» (письмо от 16.08.83).

В «Повести о белых медведях» есть вставная новелла о двух юных влюбленных – очень трогательная, романтическая. Героиню зовут Лена. Конечно, это не Вера Владимировна, но, как и все героини повести, она навеяна воспоминаниями о былом. Лена, как и В.В. жила с бабушкой, а

не с родителями. Адрес, по которому герой пошел ее искать в Ленинграде – Нижегородская, 21а. В повести, как и в жизни, они разминутись навсегда. Автор пишет, что он порвал все письма Лены, оставив себе лишь одно, последнее. И опять совпадения: через десятилетия, Вера Владимировна, передавая мне папины письма, тоже оставила одно себе, сказав, что хочет иметь его при себе пока жива.

Я получила это письмо позже от Александра Семеновича. Оно было пронзительно нежным. Папа писал его, находясь в Питере; накануне они виделись, и он вспоминал эту встречу. Прочитав письмо, я подумала, что состояние влюбленности героя из «Повести о белых медведях» автор передавал почти теми же словами, что и в письме.

Шел 1924 год. Папа время от времени наезжал из Саратова в Питер, чтобы заниматься в библиотеках. Он собирал тогда материал об Огюсте Бланки, и в результате им была написана работа, позволившая ему поступить в 1927 г. в аспирантуру Института истории РАНИОНа.

1927 годом заканчиваются и письма папы на Нижегородскую, 21а. Он вступает в новую жизнь: открывается возможность реализовать себя, свои интересы, которые формировались с детских лет. Он сохранял им верность в голодные бесприютные годы. Одержанная победа, его и только его личная заслуга.

А общение с Верой Владимировной в это тяжелое десятилетие было для папы, как я думаю, очень важно. Оба они были «родом из детства», оба были личностями. В каждой личности было нечто, созвучное другой. Не случайно оба они реализовали себя в творческой сфере. И оба сохранили былое «созвучие» до конца жизни. Теперь я в этом уверена.

* * *

В августе 2004 г., когда я передавала письма Веры Владимировны и Александра Семеновича в Санкт-Петербургское отделение ЦГАЛИ, ко мне приехала заведующая фондами личного происхождения Татьяна Николаевна Зверева. Она оказалась выпускницей Историко-архивного института; по ее словам, «зачитывалась» в свое время книгами папы. И когда я сказала, что у меня есть письма папы к В.В., то Татьяна Владимировна резонно заметила, что наилучшее место для их хранения – в архиве адресата. Я согласилась. Надежда Васильевна и Галя – тоже.

В письме, подписанном директором архива Л.С. Георгиевской и Т.Н. Зверевой, было сказано: «Если Вы сможете передать нам письма Альберта Захаровича к Вере Владимировне, это не только обогатит личный фонд Веры Владимировны, но будет неоценимым вкладом в увековечивание памяти двух ярких творческих личностей».